

УДК 82

**ИМПЕРАТИВНОСТЬ И ВОЗМОЖНОСТЬ
КАК ФОРМЫ САМОВЫРАЖЕНИЯ ГЕРОЕВ В РОМАНЕ
А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»**

© **Вершинина Наталья Леонидовна** (2018), SPIN-код: 9107-5644, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой литературы Псковского государственного университета с 1992 по 2018 гг.

Последней работой Натальи Леонидовны Вершининой (1951 – 2019), профессора кафедры русской литературы Псковского государственного университета, стала предлагаемая вниманию читателей статья. К сожалению, Н.Л. Вершинина не успела в полной мере подготовить ее к публикации, поэтому она несет на себе печать некоторой тезисности изложения. Однако редакция журнала «Палимпсест», учитывая важность и оригинальность высказанных в данной статье положений и наблюдений, сочла возможным опубликовать ее в том виде, в котором она осталась после ухода ученого из жизни, ограничившись устранением изъянов технического характера и реконструкцией библиографического аппарата. Основным достоинством публикуемой статьи Н.Л. Вершининой является соотнесение поступков персонажей пушкинского романа в стихах с нравственной философией Иммануила Канта (речь, разумеется, идет не о прямом диалоге русского поэта и немецкого мыслителя, а о диалоге двух этических программ, выраженных в одном случае в художественной форме, а в другом – в форме целостной научной системы). Императивность волеизъявлений Онегина и Татьяны, декларируемых на уровне словесных высказываний, контрастирует с множеством отклонений от того, что позиционируется ими в качестве должного и неизменного. Диалектика императивного и возможного, пронизывающая практически весь роман в стихах, образует ряд сложных этических коллизий, обеспечивающих динамическое развитие художественного сюжета. Кроме того, в статье выдвигается предположение, что в «Евгении Онегине» А.С. Пушкин осмысливает свою судьбу через судьбу «другого», дополняя образ главного героя разнообразными чертами личного авторского мира.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, И. Кант, «Евгений Онегин», нравственный императив, должествование.

В рассмотрении проблемы императивности и возможности в романе «Евгений Онегин» отправной точкой является категория *долженствования*, поскольку термин *императив*, восходящий к латинскому корню «повелительный», означает «норматив, не под-

лежащий обсуждению, нравственную норму, установление, рецепт поведения» [Кикель, Сороко 2008]. Разные проявления **должного** в романе, на наш взгляд, заслуживают рассмотрения с учетом их проекций на дефиниции теоретического уровня, способных направить анализ в область художественной онтологии, не претендуя при этом на четкость терминологического соответствия философским категориям.

В первую очередь отметим, что в «Евгении Онегине», наряду с другими бытийными планами, имеет место осознание **должного** как выполнения предписаний объективной действительности, требующей подчинения ее задачам и установкам, а также адекватности самовыражения героев уровню понятий их личного бытия. Представляемая таким образом действительность, если перефразировать М.Н. Эпштейна, дается в модусе реальности. Этот план в романе не имеет ничего общего с понятием нравственного императива в его кантианской огласовке. Более того, представление о **должном** диктуется реальностью, соотносено с понятием императива «по Канту» на началах не соположения, а противоположения, что подчеркивается всей семантикой текста.¹ Произведение, в котором один из главных героев – «поклонник Канта и поэт», не может быть не втянуто в «орбиту» моральной философии².

Тот аспект, который акцентирует фактор зависимости автора и героев от обстоятельств, их подчинение законам существования, исключаяющим свободу личностного самовыражения, четко отделяется Пушкиным от «модуса возможности» [Эпштейн 2001], где «свобода» волеизъявления не ограничена, а поверяется нравственным законом внутри себя и сверяется с общечеловеческой моралью, что созвучно кантовскому нравственному императиву.

Нам близка мысль М.Н. Эпштейна: «Когда предчувствие или догадка о возможном событии переходит в знание об уже совершившемся событии, исчезает то волнение, надежда, ожидание, кото-

---

¹ Замечу, что проблеме «Пушкин и Кант», в частности, посвящена специальная статья А.А. Белого «Кантовская цитата в пушкинском тексте», где коллизии отдельных пушкинских произведений сознаются «в орбите эстетики Канта» [Белый 2016, 81].

² Уже то, что **должное** с позиций действительности выглядит как антиномия кантовскому нравственному императиву, заслуживает отдельного внимания.

рые были связаны именно с возможностью события, а не с его актуальностью» [Эпштейн 2001, 37].

Нужно отметить, что понятие «актуальности» как исчерпанности человеческих интенций наличной данностью, как установки на соответствие притязаниям действительности, применимо ко всем героям романа, так же как и понятие возможности: разница состоит лишь в степени их проявления и характере корреляции с поведением персонажей.

Так, потенциалом свободно разворачиваемых возможностей в высокой степени обладает Татьяна, к личности которой приложимо определение «моральной автономии». Об этой категории пишет А.А. Белый: «...никакая принуждающая сила (государство, церковь и пр.) не имеет права вмешиваться в то, что человек обязан совершить по собственному почину и собственными силами» [Белый 2016, 122]. Действительно, если Ольга «всегда послушна», то Татьяна не ждет послушания даже от куклы; не стремясь властвовать, она и себя не отдает под чью-то власть:

Охоты властвовать примета,
С **послушной** куклою дитя
Приготовляется, шутя,
К приличию – **закону света...**
.....
Но куклы даже в эти годы
Татьяна в руки не брала...³

Замужество недаром воспринимается ею как отступление от личной нравственной потребности, не только как утрата возможной реализации идеи супружества в союзе с Онегиным, но и как измена закону свободно выражаемого чувства. Замужество оценивается ею как «машинально» (по пушкинскому слову) совершенный поступок, как подчинение обстоятельствам не по своей воле:

А счастье было так возможно,
Так близко!.. <...>
<...> Неосторожно,

---

³ Здесь и далее тексты А.С. Пушкина цитируются без указания страниц по изданию: [Пушкин 1950].

Быть может, поступила я:
Меня с слезами заклинаний
Молила мать. Для бедной Тани
Все были жребии равны...

Утраченная возможность, не обретя статуса реальности, оказывается утраченной навсегда: действительность как таковая, вмешиваясь в судьбу Татьяны, вступает в свои законные права.

Зависимость от общепринятых норм и мерок существования доведена до крайней степени выражения в образе Онегина в первой главе романа. Прежде всего, это касается вводной, описательной части текста: читатель видит, что герой соответствует требованиям света и от него не ждут чего-либо другого:

Чего нам боле? Свет решил,
Что он умен и очень мил.

Маска «байронического героя» не меняет к нему отношения на уровне сущности характера: она привязана к «гостиным», модным веяниям, для внутреннего понимания ее носителя пока недостаточно оснований.

Из характеристики героя исключен «горизонт ожиданий», в том числе и относящихся к наиболее богатой возможностями самовыражения области «страсти нежной»:

В красавиц он уж не влюблялся,
А волочился как-нибудь;
Откажут – мигом утешался;
Изменят – рад был отдохнуть.

Авторский приговор Онегину как «не поэту» констатирует результат неудачного опыта героя как окончательный итог:

...ничего
Не вышло из пера его...

На субъектном уровне подтверждается факт вынужденного исполнения героем долга перед находящимся при смерти дядей:

Прочтя печальное посланье,
Евгений тотчас на свиданье
Стремглав по почте поскакал
И уж заранее завал,
Приготовляясь, денег ради,
На вздохх, скуку и обман...

Однако изучение текста показывает, что **однородность** подобных аттестаций, словно не оставляющих места для проявления нравственной императивности, может быть пересмотрена с учетом бытийных составляющих проблематики романа и особенностей структуры текста. Прежде всего, важен принцип взаимопроникновения «романа автора» и «романа героев». Используя мысль В.А. Грехнёва относительно данного соотношения: «“Роман героев” в “Евгении Онегине” диалогически разомкнут в “роман автора” <...>» [Грехнев 1994, 441], можно сказать: «роман автора» в «Евгении Онегине» «диалогически разомкнут» в «роман героев». Ситуация живого общения с читателем в авторских отступлениях корректирует лишенный этого качества текст «романа героев». Как писал Г.-Г. Гадамер: «...всякое недоразумение и ложное понимание исправляются ответной репликой» [Гадамер 1991, 131].

Дело, таким образом, не только в том, что автор сам выражает стремление сблизиться с героями, существенно меняя семантику образа Онегина уже в первой главе. В аспекте наших рассуждений немаловажно, что составляющие «собрание пестрых глав» авторские отступления, обладающие особой стилистикой самовыражения в диалоге с читателем, в новом ракурсе показывают элементы автоматизма в поведении героев, побуждая читателя в перспективе иначе увидеть их судьбу.

То, что в связи с Онегиным выглядит как свершившееся, не выходящее из границ настоящее, применительно к авторскому миру может раскрыться как пережитое прошедшее, причем сознаваемое на рефлексивном уровне уже в своей проекции на будущее. В мире автора реальность легко переходит в возможность, сопровождаемую мучительным ожиданием, не имеющим заданных границ и заранее предопределенного конца. Автор сознательно синхронизирует себя с героем, воспроизводя сходные для обоих обстоятельства, помещая себя в то же время и пространство, но при этом не забывая отметить «разность» между героем и собой.

Взаимоналожение насущной данности героя и развернутой в реальном и идеальном модусах реальности автора, а также доступного герою буквального знания и преодолевшего привязанность к буквальному и конкретному авторского мироощущения представлено, например, в строфах первой главы, посвященных теме театра. Взгляд Онегина:

...потом на сцену
В большом рассеянье взглянул,
Отворотился – и зевнул,
И молвил: «Всех пора на смену;
Балеты долго я терпел,
Но и Дидло мне надоел», –

корректируется не только авторским примечанием (репликой в адрес героя – «Черта охлажденного чувства, достойная Чайльд-Гарольда»), но и представлением предмета (в данном случае, театра) в ином онтологическом ключе. Созерцание автора направлено не вовне, как у Онегина, а внутрь себя: прошлое переносится в будущее, пройдя испытание настоящим. Эта модель бытия и сопутствующая ей форма элегического размышления пока не коснулись героя, но уже появились поблизости от него, в авторском мире, бросая отсвет на его «однообразную и пеструю жизнь».

Авторское:

Мои богини! Что вы? Где вы?
Внемлите мой печальный глас.
Всё те же ль вы? Другие ль девы,
Сменив, не заменили вас?
Услышу ль вновь я ваши хоры?
Узрю ли русской Терпсихоры
Душой исполненный полет?
Иль взор унылый не найдет
Знакомых лиц на сцене скучной,
И, устремив на чуждый свет
Разочарованный лорнет,
Веселья зритель равнодушный,
Безмолвно буду я зевать
И о былом вспоминать? –

отзывается в изображении Онегина восьмой главы как обрисованная автором заранее возможность, реализовавшаяся в герое, причем не в счастливой, а в печальной развязке:

Но это кто в толпе избранной
Стоит безмолвный и туманный?

Для всех он кажется **чужим**
Мелькают лица перед ним,
Как ряд докучных привидений.

В черновой редакции:

За что же так неблагосклонно
Судить **чужого** свет привык?

Чуждый и безмолвный – эти категории как возможность и ее реализация, соотнося автора и героя, становятся ключевыми для восприятия романа в целом.

Отчужденность от долженствования света оборачивается для героя потребностью возратить прошлое, которое он не ценил, когда оно было настоящим, следуя внутреннему слуху совершить «свободный» поступок и вернуть возможность счастья, сопряженную с надеждой на «обновление». Интересно, что причинами своей «ошибки» в прошлом Онегин называет обстоятельства, связанные с его прежним пониманием должного, отвечающего нормам поведения и морали светского человека, включая и толкование свободы:

...Свою постылую свободу
Я потерять не захотел.
Еще одно нас разлучило...
Несчастной жертвой Ленский пал...

В восьмой главе Онегин соединяет в своем сознании все времена – минувшие и настоящие, «мечтательные» и реальные («Мечты, желанья, печали / Теснились в душу глубоко»). Это, по сути дела, эквивалентно развернутому авторскому отступлению.

На прием, состоящий в осмысливании Пушкиным перипетий своей судьбы через судьбу «другого», указывает Э.В. Слина в мо-

нографии «Лирика Пушкина», относя эту особенность к последнему периоду творчества поэта [Слинина 1990]. Можно предположить, что данный прием Пушкин применил и в «Евгении Онегине», подчеркнув приоритет роли Автора в свободном романе и дополнив образ героя аналогией с задушевыми сторонами авторского мира.

Для Татьяны та же модель выстраивается иначе, а именно: возможность «близкого» счастья, соединенного с реальностью, утрата этой возможности, власть настоящего, открытие в нем новых возможностей бытия и нового понимания свободы, близкого кантовскому категорическому императиву.

Требования разума, наставляющего на верную дорогу чувство, определили, с точки зрения Достоевского, поступок Татьяны, отказавшейся следовать за Онегиным и оставшейся с нелюбимым мужем: «А разве может человек основать свое счастье на несчастье другого? Счастье не в одних только наслаждениях любви, а в высшей гармонии духа» [Достоевский 1995, 359].

Возможность как высокое переживание души с самого начала дано познать Татьяне, а в финале в него погружается Онегин, реализуя авторские послы первой главы: «Мечтам невольная преданность, / Неподражательная странность...», перекрываемые до времени прагматикой «охлажденного ума».

Таким образом, не только опосредованно расширяются границы образа главного героя, которому, по воле автора, удастся перейти из мира конечных целей в бесконечный по возможностям авторский мир, но и перестает казаться незыблемым образ доступной человеку внешней реальности. С одной стороны, это может восприниматься как знак трагической ненадежности сущего, с другой – побуждает двигаться к нравственному императиву, уходя от различного рода видимостей, ложного понимания должного, власти «общественного мнения», «суда света» и так далее. Справедливо будет сказать, что для Пушкина был важен не только результат, но и само движение к нему и это также делает его причастным к философии нравственного долженствования. По замечанию исследователя, «нравственная концепция Канта предполагает не самоуспокоение, а постоянную самокритику» [Белый 2016, 121]. Актуализируется мысль В.А. Грехнёва «о скрытой антиномичности бытия, притаившейся за иллюзорной одномерностью явлений, характеров, образов слова» [Грехнев 1994, 444].

С точки зрения диалектики внутреннего содержания образов, скрытой за их будто бы очевидной уяснённой, не единственно возможными выглядят принадлежащие героям волеизъявления, претендующие на конечную истину, но в соотношении с романом автора обнаруживающие свою недостаточность. Этим объясняется, почему в романе императивность волеизъявления («Но я другому отдана; / Я буду век ему верна»; «Но я не создан для блаженства; / Ему чужда душа моя...»; «Я, сколько ни любил бы вас, / Привыкнув, разлюблю тотчас...») рождает спектр многообразных отклонений от позиционированного героями в качестве должного и неизменного, например: «Другой!.. Нет, никому на свете / Не отдала бы сердца я!»; «Пред вами в муках замирать, / Бледнеть и гаснуть... вот блаженство!»; «Привычке милой не дал ходу...» и прочее.

В свою очередь, убеждение в полном осуществлении возможно, утверждение должного как сущего при отсутствии дистанции между этим утверждением и последующими вопросами разума, характеризующие отношение Ленского к Ольге, выявляют еще одну грань долженствования, представленную в романе. С точки зрения Пушкина, «вера», идущая не от разума, а от «неведения» сердца, «послушного» только чувству, столь же обречена, как и полное подчинение себя реальности: то и другое делает человека беззащитным, лишает его возможности выбора.

Мы приходим к выводу. Относительность жизненного содержания в слове, претендующем на абсолютность истины, и, с другой стороны, жизненная значимость словесных изъяснений в сфере мыслимых или утраченных возможностей, сопряженных с поиском идеала, создают динамичную словесную организацию «романа в стихах», где присутствуют разные формулы должного, подготовленные, с одной стороны, лирикой Пушкина, а с другой – отсылающие, пусть и не всегда, к кантовскому императиву. Цитатой из стихотворения «Безверие» (1817), воплощающей диалектику разума и чувства, и закончим статью:

Напрасно в пышности свободной простоты
Природы перед ним открыты красоты;
Напрасно вокруг себя печальный взор он водит:
Ум ищет божества, а сердце не находит.

Источники

Кикель, Сороко 2008 – Кикель П.В., Сороко Э.М. *Краткий энциклопедический словарь философских терминов*. Минск, 2008.

Пушкин 1950 – Пушкин А.С. *Полное собрание сочинений в 10 томах. Том 5. Евгений Онегин. Драматические произведения*. М.-Л., 1950. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=nyPrfwrVccA%3d&tabid=10326> (дата обращения 27.01.2021)

Литература

Белый 2016 – Белый А.А. *Двойное бытие «истинного романтизма»*. СПб., 2016.

Гадамер 1991 – Гадамер Г.-Г. *Философия и литература* // Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 126–146.

Грехнев 1994 – Грехнёв В.А. *Мир пушкинской лирики*. Нижний Новгород, 1994.

Достоевский 1995 – Достоевский Ф.М. *Пушкин* // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 14. Л., 1995. С. 425–441.

Слинина 1990 – Слинина Э.В. *Лирика Пушкина 1820–30-х годов. Проблемы становления личности поэта*. Псков, 1990.

Эпштейн 2001 – Эпштейн М.Н. *Философия возможного*. СПб., 2001.

IMPERATIVENESS AND OPPORTUNITY AS FORMS OF SELF-EXPRESSION OF PROTAGONISTS IN THE NOVEL "EUGENE ONEGIN" BY A.S. PUSHKIN

© **Vershinina Nataliya Leonidovna** (2018), SPIN-code: 9107-5644, Doctor of Philology, professor, Pskov State University since 1992 to 2018.

This article offered for your kind consideration is the last work of Natalia Leonidovna Vershinina (1951 – 2019), professor of the Department of Russian Literature at Pskov State University. Unfortunately, Prof. Vershinina did not have time to fully prepare it for publication, so it may lack certain expressiveness. However, the editorial board of the journal "Palimpsest", considering the importance and originality of the provisions and observations expressed in this article, considered it possible to publish it in the form in which it remained after the scientist passed away, having only corrected technical flaws and reconstructed the list of references. The main advantage of the published article of Natalia Vershinina is the correlation of the actions of the characters in Pushkin's novel in verse with the moral philosophy of Immanuel Kant (this, of course, is not about the direct dialogue of the Russian poet and the German thinker, but about the dialogue of two ethical programs, expressed in one case in artistic form, and in the other – in the form of an integral scientific system). The imperativeness of Onegin and Tatiana's will, declared at the level of verbal utterances, contrasts with the many deviations from what is positioned by them as mandatory and unchanging. The dialectic of the imperative and the possible, which permeates almost

the entire novel in verse, forms a series of complex ethical collisions that ensure the dynamic development of the artistic plot. In addition, the article suggests that in "Eugene Onegin" A.S. Pushkin comprehends his fate through the fate of the "other", supplementing the image of the protagonist with various features of the author's personal world.

Keywords: A.S. Pushkin, I. Kant, "Eugene Onegin", moral imperative, obligation.

References

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

Гадамер 1991 – Gadamer G.-G. *Filosofiya i literatura* [Philosophy and Literature]. Gadamer G.G. Aktual'nost' prekrasnogo [Relevance of the beautiful]. Moscow, 1991, pp. 126–146. (In Russian).

Достоевский 1995 – Dostoyevskiy F.M. *Pushkin*. Dostoyevskiy F.M. Sobraniye sochineniy: v 15 t. [Collected works: in 15 volumes] Vol. 14. Leningrad, 1995, pp. 425–441. (In Russian).

(Monographs)

Белый 2016 – Belyy A.A. *Dvoynoye bytiye «istinnogo romantizma»* [The double existence of "true romanticism"]. Saint Petersburg, 2016. (In Russian).

Грехнев 1994 – Grekhnev V.A. *Mir pushkinskoy liriki* [The world of Pushkin's lyrics]. Nizhniy Novgorod, 1994. (In Russian).

Слинина 1990 – Slinina E.V. *Lirika Pushkina 1820–30-kh godov. Problemy stanovleniya lichnosti poeta* [Lyrics of Pushkin, 1820–30s. Problems of the formation of the poet's personality]. Pskov, 1990. (In Russian).

Эпштейн 2001 – Epshteyn M.N. *Filosofiya vozmozhnogo* [The philosophy of the possible]. Saint Petersburg, 2001. (In Russian).

Поступила в редакцию 10.10.2020